

A digital illustration of a person in a dark, hooded cloak standing on a rocky path, looking out over a vast, misty canyon. The canyon walls are dark and jagged, with a river or stream flowing through the center. The sky is filled with swirling, ethereal light patterns, and a bright sun or moon is visible at the top. The overall mood is mysterious and atmospheric.

Евгения Тимошенко

Книга странных рассказов

18+

Екатерина Тимощенко

Книга странных рассказов

<https://litres.ru/73880741>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нам часто говорят обращаться к свету, но что если попробовать понять и принять тьму в себе - это путь в бездну души или на новый уровень познания себя? Истории-прогулки по закоулкам внутреннего мира.

Содержание

Плесень	4
Радость моя	17
Читай меня	24
Я тебя вижу	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Екатерина Тимощенко

Книга странных рассказов

Плесень

Она часто переезжала. И везде Ее преследовала одна и та же проблема. Плесень.

Поначалу Она думала, все дело в том, что квартира была в полуподвальном помещении, хотя до этого - владельцы клятвенно Ее уверяли - не было ни одного случая плесени. Затем, что в системе водопровода - труба делала сложный изгиб именно в районе ее комнаты. Потом... потом Она просто перестала искать причину. Она усвоила признаки, предшествующие нашествию этой гадости - ставшие темными углы, затхлый запах, усиливающийся ночью, и позже, проступающие как вены из-под тонкой бледной кожи штукатурки, щупальца, расползающиеся во все стороны. Она быстро паковала вещи и уезжала, не давая плесени подползти к Ней слишком близко. Дальше были поиски нового жилья. Всегда милые владельцы, свежие ремонты, хорошие районы... Но почему же вечно возникает эта плесень?!

Она перестала искать причину... но это было не совсем так. Может Она боялась ее узнать? Может, все дело было в Ней? Именно Она - источник плесени, именно Она несет в

мир эту мерзость? А вдруг не только эту? Вдруг все Ее существование заточено подо что-то ужасное и мерзкое? Или же Она просто паразит в жизнях других людей, от которого рано или поздно надо будет избавиться, пока Она не причинила вред?

Она снова переехала. Новая квартирка очень Ей приглянулась - небольшая, но очень уютная, с большими окнами, пропускающими по утрам в кухню и комнату тонны солнечного света. Ей казалось, что вот оно - место, в котором Ей будет хорошо. Новая работа, зачатки стабильности и даже новые друзья среди коллег. Она даже стала выбираться на прогулки и в кафе. Но вскоре все, как, собственно, и всегда, стало крошиться под натиском пока еще невидимых щупов.

Тяжелый день на работе, затем еще один - сплошная неделя авралов, срочных совещаний и бесконечных правок и критических замечаний. Она вваливалась в квартиру, еле волоча ноги, закидывала какую-нибудь замороженную дребедень в микроволновку и сворачивалась калачиком на диване. А на кухне так и стояла в подставке раскрытая на одном, давно примеченном Ею рецепте, поваренная книга - Ее жалкая попытка внедрить что-то полезное и вкусное в свой рацион.

Все началось снова с того, что углы вокруг Нее по непонятной для окружающих, но не для Нее, причине стали темными, словно оттуда выкачали весь свет - даже если направить туда фонариком, он словно увязнет в тягучей тьме. По-

рой Ей казалось, что это некая тень следует за Ней по пятам из жилища в жилище и, как только видит, что Она освоилась на новом месте, тоже начинает распаковываться. Порой, что Она сама порождает эту темноту. У Нее была одна привычка, нет, необходимость. Когда в Ее голове рождалась очередная тревожная и пугающая мысль, Она мысленно отправляла ее в один из углов, активно моргая, словно замечая туда. Могли ли Ее страхи начать материализовываться в нечто самостоятельное, но неразрывно связанное с Ней и переползающее следом?

Итак, углы снова потемнели. Скоро плесень должна проявиться: небольшим и быстро расширяющимся пятном, раскидывающим свои толстые в основании и тонкие на самых кончиках щупальца... тянущиеся к Ней... или просто стремящиеся опутать все вокруг?

Но в этот раз что-то изменилось. В этот раз плесень обрела какой-то особенной плотностью: еще невидимая, она уже явственно ощущалась в комнате - она словно подминала все под себя, давила, душила... А потом тени стали отделяться от стен в углах...

Сперва это были единичные случаи. Затем все чаще краем глаза Она замечала некоторое движение - с каждым разом все ближе. Тени словно ходили за Ней, заглядывали через плечо, следили...

Помимо общей затхлости в квартире стали неизвестно откуда и почему возникать неприятные запахи - от вони тух-

лого яйца Она прямо-таки сбежала как-то утром на работу, причем кофе Ей пришлось покупать по дороге и пить его набегу. Она не жила богато, но всегда очень опрятно, поэтому Ее вдвойне удручало и пугало, когда Она вдруг натыкалась на сбивающий с ног смрад двухнедельной селедки, пролежавшей на солнце в своей чистенькой ванной. Как ковбой Она вооружалась освежителями для воздуха и стреляла им во все стороны, но становилось только хуже - запахи смешивались, в помещении становилось просто невозможно находиться, Она открывала окна и двери настежь и ждала-ждала-ждала.

А еще был шепот. Его Она боялась больше всего. Каждый раз, выключая свет вечером и укутываясь до ушей в одеяло, Она надеялась, что спокойно уснет и ничего не услышит. Но углы сперва тихо шелестели, а потом все громче начинали что-то шептать, словно переговариваться. Это был кто-то один или их много? Важно ли это, когда ты лежишь в темноте такой уязвимый и некому тебе помочь? Кто поверит в тени, фантомные запахи и шепот?

Она даже купила себе ночник со звездным небом, но он издох через 2 дня и в ремонтной конторе развели руками, мол, первый раз видят такой брак. Тьма сгущалась и окутывала Ее, и Она уже явственно ощущала себя в ловушке - тьма поглотит Ее, Ей не одолеть ее в одиночку...

Квартира стала Ее убежищем и тюрьмой. Здесь Она мог-

ла предаваться своему уединению и одиночеству, купаться в чувстве измотанности и безысходности, поглощать ощущение собственной никчемности и бессмысленности всего вокруг и себя в особенности. Она словно была в пяточке невидимого софита, а вокруг непроглядная тьма сжимала свое кольцо. Порой Ей хотелось расширить этот круг света и верилось, что это Ей под силу, пока волна холода и страха от танцующих вокруг теней не заставляли ее съеживаться на диване или в кровати. А порой Ей хотелось, чтобы плесень уже накрыла Ее своей всепоглощающей волной, и Ей не пришлось уже пытаться, пытаться что-то сделать, пытаться что-то исправить, пытаться бороться и жить...

В один из вечеров, когда Она забилась под круг теплого света торшера и прикрывалась книгой, лишь бы не смотреть по сторонам и не давать щупальцам возможности дотянуться до Нее, раздался стук в дверь. Она никого не ждала. Да что там говорить: последние недели Она не то, что никого не звала в гости, но даже сама отклоняла приглашения и никуда не выбиралась. Странная сила тянула Ее в эту жуткую пещеру, где Она вела неравный бой с плесенью.

Стук повторился. Четкий, уверенный и задорный. Она робко подошла к двери, оглянулась через плечо на витающую пелену тени, вдохнула побольше воздуха и открыла дверь. Перед Ней стояла Вивьен Лайт, одна из сотрудниц Ее компании, девушка веселая, энергичная и всеобщая любимица.

- Ну, наконец-то! Я уж думала, ты гулять ушла. Ты в курсе, что у тебя тут недалеко открыли отличную новую забега-ловку? Вспомнила, как ты говорила, что живешь в этом районе. Вот схватила нам две порции. Ты ведь помнишь сегодня выходит новый выпуск того сериала, про который я рассказывала? Посмотрим вместе?

Она робко и еле заметно снова глянула через плечо, и первый раз увидела, как тень отступила и замерла, словно наблюдая и оценивая новые возникшие обстоятельства. Она шагнула назад и впустила Вивьен. Та бодро прошагала на кухню, по дороге рассказывая обо всем на свете: казалось, эта девушка - бесконечный архив информации, но только не занудный и усыпляющий, а увлекающий в водоворот рассказов о невероятных событиях, удивительных устройствах и захватывающих человеческих историях.

Это был чудесный и светлый вечер. Впервые за очень долгое время. Она проводила Вивьен, прибралась, с удивлением обнаружив, что мурлычет себе под нос какую-то мелодию, и легка спать, не сжавшись в кои-то веки в плотный клубочек. Плесень затаилась в углах. Было тихо, и хоть и темно, но уже не так, словно ты провалился в бочку с мазутом.

Вивьен словно зажгла в Ней искру, желание жить и бороться за свою жизнь. Но плесень не желала так просто отступать. Если вечерами мрак выжидал, пока Она живо болтала по телефону, готовила на кухне или же, если день вы-

дался особенно тяжелым, просто выбирала одежду на следующий день - раз перебирая с Вивьен гардероб, Она так увлеклась примерками, что решила оставить это своим маленьким ежедневным ритуалом. То вот ночью мерзкие ледяные щупальца-тени доползали до Ее кровати, стискивали все Ее существо, вызывая кошмары, от которых Она просыпалась в поту и тяжело дыша.

Вивьен возникала у Нее на пороге как снег на голову - всегда с идеей, чем заняться, и чем-то ярким под мышкой. Как-то она пришла с огромным букетом подсолнухов, за которым практически не было видно ее лица. Те простояли недолго – плесень задушила их за несколько дней. И все же Она практически видела, как эта гадость отдергивала свои щупальца от них, словно обжигаясь от хранящегося в них солнца. В следующий раз Вивьен потащила Ее в какой-то салон-бутик с кучей всякой ароматической всячины - «ты ведь жаловалась, что у тебя бывают неприятные запахи в квартире», и помогла выбрать ароматизаторы в красивых бутылочках, которые затем вместе с сухоцветами и свечами были красиво расставлены в комнате и ванной. Свечи... И почему Ей раньше не пришло в голову их купить? В дни, когда сил на оказание сопротивления плесени не было совсем, эти маленькие светлячки отбрасывали на стены маленькие блики, которые как огненные лилипуты гнали прочь темного врага.

Все постепенно налаживалось. Хоть плесень никуда не де-

лась, она несколько ослабила свою хватку и сдала позиции. До одного дня, когда выяснилось, что Вивьен отправляют в командировку на несколько месяцев. Даже сама эта новость настолько выбила почву у Нее из-под ног, что открывшая дверь квартиры, Она знала, что будет. Плесень не просто раскинула свои сети-руки по квартире. Она буквально нависала над ней повсюду.

За несколько дней до отъезда Вивьен, Она стояла скукожившись перед шкафом и все-таки старалась отрешиться от движений и шорохов по углам и выбрать себе одежду для следующего рабочего дня. А что будет с плесенью, если Она исчезнет? Эта мерзость уйдет вместе с Ней или же перекинется на кого-то другого? Станет ли Ее исчезновение освобождением для них обеих или обречет на страдания кого-то еще?

Стук в дверь. Она вздрогнула и погнала жуткие мысли как обычно в угол, часто-часто моргая. Этого ты хочешь, плесень, да?

За дверью слышалась какая-то возня и шуршание пакетов. Она быстро открыла дверь и увидела перед собой Вивьен да в компании. Одну руку ей оттягивала пара огромных мешков, а другой она бережно, но крепко прижимала к себе небольшого, взъерошенного светло-серого котенка с янтарными глазами.

- Смотри, кого я нашла на улице! Я не могла пройти мимо. Как увидела его, сразу подумала о тебе! Вот! Я тут при-

купила кое-чего. Надо его хорошенько отмыть сейчас, а через час придет моя подруга. Она ветеринар - осмотрит его и все такое. Правда же он прелесть?

И продолжая весело чирикать, Вивьен протиснулась в дверь с хотулями, брякнула их на пол, достала несколько баночек и понесла котенка напрямиком в ванную.

- Захвати пару полотенец! Похоже, этот красавчик еще ни разу в жизни не купался - будет весело!

Сказать, что котенок не был восторге, не сказать ничего. Через час, как раз к приходу ветеринара, он был вымыт и высушен, и теперь угрюмо сидел в гнезде из полотенец на диване, пока девушки спешно прибирались в ванной.

Позже Она проводила Вивьен и ее подругу, закрыла дверь и вернулась к дивану, где после осмотра и процедур оставили котенка. Его там не было. Нет, неужели плесень уже его сцапала?! Нет-нет-нееет! Ее мысли судорожно метались, как и Она по квартире. И тут Она услышала нечто в комнате. Там раздавалось какое-то странное шипение, как будто на раскаленную сковородку налили воды. Она бросилась туда, боясь даже вообразить, что эти мощные щупальца могли сделать с таким маленьким беспомощным созданием. Вот только беспомощным он не выглядел. Более того, было сложно понять, кто шипит больше - он или плесень, съезживающаяся в углах под натиском его огненных глазок и уверенной поступи. Заметив Ее, котенок мурлыкнул и галопом подбежал к Ней. Она подхватила его на руки и прижала к сердцу - вот только

чувствовала, что защитник здесь скорее он, нежели Она.

Дни летели быстрее ветра. Теперь Она мчалась домой, но не потому что плесень силой своих щупалец затаскивала ее в свою берлогу. Нет. Там ждал ее несравненный Фламм. Он загнал плесень в самые дальние щели, и одного взгляда его янтарных глаз было достаточно, чтобы прижечь и пресечь любые ее попытки вылезти обратно. Он следовал за Ней по всей квартире и при первой же возможности старался устроиться у Нее на коленях. Диван из клетки, в которую Она была раньше заточена тенью, превратился в остров радости и умиротворения. Но плесень старалась наверстать упущенное время ночью. Поначалу это удавалось ей с трудом, поскольку малыш Фламм каждые 2-3 часа требовал то поесть, то поиграть. Какие там сны? Она просто отрубалась от усталости, и все-таки чувствовала себя гораздо лучше, чем раньше. Но постепенно ночной график установился, и тут уж плесень начала набирать обороты, насылая на Нее кошмары - к сожалению, во сне Фламм Ее защитить не мог.

Ей снилось, что Она идет по коридору, завешанному картинами. Она подошла к одной из них. На ней был изображен милый пейзаж. Внезапно на нем возникла черная фигура, которая наполовину вылезла из картины и схватила Ее за руку когтистой лапой, пытаясь затащить в холст. Она вскрикнула и рванулась. От этого движения Она и проснулась.

Было темно и тихо. Страх ледяными обручами обхватил

все тело и не давал шевельнуться. Она мысленно взмолилась, чтобы пришел Фламм - быть одной в этот момент было невоносимо. Она боялась, что тень поглотит Ее. И вдруг с удивлением почувствовала, что Она не одна. Свернувшийся теплым клубочком Фламм спал прямо у нее под боком, положив на нее переднюю лапку. Он приоткрыл глаза, и те сверкнули в темноте отраженным светом. Она не одна. Она больше не одна. И Она ощутила как в комнату возвращаются привычные для ночи небольшое количество света от фонарей и редкие уличные звуки вроде проезжающей машины или отдаленного лая.

Вернувшаяся из рабочей поездки Вивьен с радостью обнаружила, как окреп не только котенок, но и Она. Плесень не исчезла - забилась в самые дальние углы в ожидании момента, когда сможет возродить свою мощь. Но теперь Она знала, что Она - не плесень, что Она может ее одолеть. Когда-нибудь Она накопит достаточно внутреннего света, чтобы встретиться с ней лицом к лицу и прогнать навсегда из своей жизни. Ну а пока, она, Фламм и Вивьен отправляются на машине в небольшое путешествие на побережье. И Фламм будет по пути лежать сзади под стеклом и греться на солнышке, а подруги сидеть спереди и подпевать радио. А потом будут прогулки, разговоры у костра и посиделки в пледах в ожидании рассвета, когда солнце выпускает свои лучи-сабли, разрезающие тьму на лоскуты.

Солнце светило Ей прямо в глаза. Она щурилась, но не отворачивала лицо - Ей так хотелось напитаться этим светом, чтобы, может быть, он потом развеял тьму вокруг.

- О чем Вы думаете, мисс Куидам?

Она не ответила. Доктор вздохнул и нажал на кнопку приемника:

- Сестра, зайдите, пожалуйста.

Она встрепенулась.

- Вивьен придет?

- Да, мисс Куидам, Вивьен придет. Вы можете мне сказать, о чем Вы думали?

- Сегодня покажут новый выпуск ее любимого сериала, Вивьен очень хотела его посмотреть вместе.

Тихий стук в дверь. Вошла миловидная и улыбчивая девушка.

- Вивьен, ты пришла! Скоро начнется новый выпуск твоего любимого сериала, а нам еще за едой надо сходить.

Доктор и медсестра обменялись взглядами.

- Сестра, проводите, пожалуйста, мисс Куидам в ее палату. Чуть позже я проинструктирую Вас об изменениях в лечении.

Она быстро встала, практически добежала до Вивьен и взяла ее за руку.

- Не забудьте Фламма, мисс Куидам.

Доктор протянул ей маленького серого плюшевого кота с янтарными глазами.

Женщины вышли. Доктор встал, подошел к окну и долго глядел в него, а затем стал рассматривать углы, пытаясь увидеть то, чего увидеть он никак не мог - плесень была доступна только зрению его пациентки.

Радость моя

Смех и визг, вырвавшиеся за пределы детской площадки, резанул слух. Когда эти звуки стали такими раздражающими и утомительными? Ведь раньше она так любила находиться среди детей. Раньше. Тогда вообще все было по-другому. Она была глупой и наивной, или же просто теперь все ее ощущения отравлены?

С самого детства она знала, что умеет управлять эмоциями, причем не только своими. Она чутко реагировала на каждое душевное колебание людей рядом, впитывала их настроение и состояние и могла потом в нужный момент словно откупорить подходящий пузырек и направить нуждающегося в поддержке.

Вот мальчик упал и расшиб коленку. Но ничего, пару дней назад она уловила вибрацию изумленного любопытства малыша, изучающего с мамой на траве божью коровку. Мягко наполняя мальчика этим теплым чувством, она увидела, как слезы на его щеках высохли, и он увлекся строительством плотины в песочнице, которую потом хотел залить водой.

А вот малышка, которая очень стесняется в игровой и никак не может решиться подойти к группе девочек, чтобы вместе поиграть. Можно найти в ее сердечке момент, когда они рисовали с бабушкой смешные картинки и хохотали от души, и пробудить в ней то же заразное озорство - глядишь,

а она уже вместе со всеми играет в догонялки.

Ей казалось это так естественно делиться хорошими эмоциями. Когда она подросла ее стали звать на детские дни рождения аниматором - все знали, если она придет, то праздник пройдет на ура: дети весь день будут в отличном настроении, рады всему и всем, а к вечеру без истерик успокоятся и счастливые мирно лягут спать. Надо-то было лишь собрать весь спектр эмоций присутствующих детей и аккуратно его рассортировать, чтобы выстроить идеальный баланс для начала, разгара и завершения мероприятия.

Со временем возникла проблема, над решением которой ей потребовалось изрядно поработать: поначалу ее собственные чувства были в основном добрыми и позитивными, но по мере взросления добавлялись и те, которые нужно было держать под контролем, иначе они могли набрать силу и начать примешиваться к чужим эмоциям и портить их.

Круг знавших о ее способностях организовывать мероприятия наилучшим образом даже просто одним своим присутствием - все как-то при ней само собой налаживалось - ширился, и постепенно она перешла к более взрослой аудитории.

Ее будоражило и в то же время утомляло то, насколько сильно тут били эмоции, порой тщательно скрываемые, но от этого еще более стремительные. Она привыкла к детским эмоциональным качелям, но здесь была просто карусель с кучей движущихся в разные стороны качелек. Тем не менее,

она освоилась - могла разрешить любую ситуацию, хоть иногда ощущала себя столь же замусоренной чужими впечатлениями, как оставленное после вечеринки помещение.

После одной из таких тусовок она и встретила эту девушку - с нее-то и началось это погружение во тьму... Девушка сидела на автобусной остановке одна и плакала, а мимо тянулись горлающие группки. Как тут пройти и не помочь? Слова не были нужны, хоть она и выслушала ее историю о том, как казавшийся ей любовью всей жизни парень ее бросил и теперь встречается с подругой. Унижение, обида, злость, горечь, отчаяние и безысходность. Чего хотят все отверженные? Мести? Нет. Чтобы нанесший им удар ощутил всю их боль. С этим можно было помочь и излечить тем самым девушку - думала она. Оооо, она заставила его пострадать, направляя его мысли в сторону отверженной им девушки. Не сразу, но все-таки он пришел к ней с извинениями. Она заставила его покаяться.

Теперь в ее жизни появилась вереница людей, которым требовалась ее помощь и защита от обидчиков. Ей нравилось ощущать свою силу и возможность нести добро и справедливость в этот мир. Пусть те, кто ведет себя нечестно и непорядочно по отношению к другим, пожалеют о своих поступках и поведении, пусть исправятся, пусть все будут счастливы. Счастливы... Она вдруг осознала, что не помнит, когда последний раз дарила кому-то радость, а не отчаяние, смех до слез, а не слезы до икоты.

Надо развеяться, надо отвлечься от бесконечного потока боли и переживаний. Надо вернуться к истоку. Она попробовала снова проводить детские праздники. Снова. И снова. Но каждый раз то уныние, то агрессия, то апатия влезали и портили всю атмосферу. Звонки становились все реже. Она осталась одна, погребенная под своей гигантской библиотечной эмоцией. Она решила, что наилучшим способом вернуться в строй, будет сперва навести порядок в себе и отгородиться на время ото всех, чтобы не соприкоснуться с чужими историями.

День проходил за днем. Но один звонок все изменил. Это был женский голос, вернее плач, просивший о встрече. Она не ответила - слишком много боли. Затем был второй звонок - говорил уже мужчина, но фон был прежним. Звонки шли один за другим - эта пара, вероятно, отчаянно нуждается в ее помощи, шевельнулось у нее голове. В конце концов, тоненький голос совести велел ей хотя бы ответить - ведь всегда можно отказаться. Так ей казалось.

Это была история родителей, потерявших ребенка, и человека, отнявшего его у них. Первая личная встреча с отцом и матерью практически смыла ее в обморок мощью эмоционального потока - горького, ледяного и обжигающего одновременно. К следующим их визитам она стала тщательно готовиться. Их беседы ненадолго приглушали этот невыносимый гул эмоций, но она чувствовала, что этим не ограничится - они хотят чего-то еще, чего-то большего от нее. И, нако-

нец, речь зашла об этом. Их просьба ошеломила ее.

Им разрешили встретиться и поговорить с убийцей, и они хотели, чтобы она пошла с ними. Они хотели, чтобы он ощутил не только их боль утраты, но страх и агонию их потерянного ребенка перед смертью. Она не спала всю ночь. Можно ли сотворить такое с человеком? С другой стороны, человек ли он, раз проявил такую жестокость и заслуживает ли он жалости?

Решение было принято на рассвете. Короткий звонок, лишь одно слово в утренней тишине: «Хорошо».

На подготовку к этой встрече у нее ушло немало времени: эмоции родителей она изучила досконально, но ведь нужно было погрузиться и в состояние жертвы. С этим было сложнее. Ей пришлось встретиться с несколькими жертвами насилия, чтобы услышать их мысленные крики о помощи и нежелание расставаться с жизнью. Она отправилась на живодерню, чтобы погрузиться в животный страх перед смертью, когда наступает миг тишины и оглушающего сердцебиения.

Она верила, что так надо - убийца, причинивший столько боли, не может просто отсидеться в тюрьме. Он должен быть наказан. И она орудие справедливости. Человеческой справедливости.

Час настал. Слегка поколебавшись на входе, она тенью вошла за родителями в небольшую комнату, где за столом, прикованным, сидел мужчина. Это были злые глаза или просто

затвердевшие от осознания того, что ничего не исправить? Этот вопрос останется с ней навсегда, а тогда она просто вкачивала в него всю собранную эмоциональную жуть, чтобы он в этот миг занял место своей жертвы. Чтобы он метался диким зверем в попытке спастись, а затем притих в отчаянии... Чтобы жаждал в равной степени остаться в живых, дышать, ходить, видеть и поскорее умереть, чтобы этот кошмар наяву, наконец, закончился... Чтобы все его существо раз за разом раздирало на тысячи частиц ледяными пальцами ужаса и вновь соединяло гонимой гулками ударами сердца горячей кровью, все еще текущей стремительной рекой жизни в его венах... Чтобы безысходность от неотвратимости жестокой смерти и трепещущая словно пламя на ветру надежда выжить танцевали свой безумный танец еще один, возможно, последний раз...

Она ушла первой, не проронив ни слова, опустошенная и сломанная. Теперь, сидя в парке и глядя на людей, она видела только мрак и тени, с возрастом постепенно заслоняющие внутренний свет. Но было ли это так, или это было лишь отражением ее собственного состояния?

Внезапно кто-то коснулся ее руки. Она удивленно вынырнула из своих мыслей. Перед ней стояла маленькая девчушка с разноцветными бантиками в высоких хвостиках. «Ты грустная. «Всё пройдет, и будет хорошо» - так мама говорит. На, возьми, он очень вкусный, но до обеда ни-ни», - сказала девочка и протянула радужный леденец-спиральку на палоч-

ке. А затем, улыбнувшись, резко крутанулась и помчалась к матери, подпрыгивая на каждом шагу, словно земля решила стать для нее личным батутом.

Она опустила глаза. На ладонях лежал леденец. Она подняла его и посмотрела сквозь разноцветную карамель на солнце, а потом на листву, прислушалась к шуму с детской площадки и поняла, что плачет и смеется от внезапно возникнувшей внутри искорки счастья. Все будет хорошо. Да. Все будет хорошо.

Читай меня

Обманывали ли ее? Увы. Причем довольно часто. Друзья говорили, что гады нагло пользуются ее доверчивостью и верой в самое лучшее в людях - она лишь улыбалась в ответ, пожимала плечами и продолжала быть собой: открытой и честной.

Но были в ее жизни и хорошие, добрые люди. Даже очень! Странное дело: она словно бы жила в окружении абсолютно полярных людей - тех, кто ею пользовался, и тех, кто всегда старался пойти навстречу. Если с первыми все было более-менее понятно: то кассир в магазине обсчитает, то коллега на работе идею для проекта уведет, то мошенники у нее что-нибудь выманят – и ведь знают же к ней подход! Исключением был лишь случай, когда ее почти ограбили. Это был ужасный день: на работе были проблемы; ее любимый пес по кличке Чуи оказался в ветклинике - врач позвонил и сказал, что ему нужна операция; и просто какой-то нескончаемый поток мелких неприятностей все сыпался и сыпался ей на голову. А «почти ограбили», потому что дорогу ей все-таки преградили и даже ножом погрозили, но, видимо, на лице у нее настолько все читалось, что вор взял у нее только часть денег и проводил до конца переулка, чтобы к ней еще кто-нибудь не прицепился.

Зато вторые, которые хорошие люди, каким-то магиче-

ским образом всегда точно знали, что ей нужно, как помочь, что ее заботит, и, главное, некоторые еще даже до того, как она успевала это озвучить. Какое-то время ей даже казалось, что она владеет магической способностью вкладывать в головы окружающих свои мысли, но она быстро отказалась от этой теории, поскольку тогда не существовало бы первой категории людей в ее жизни, верно? Но может она просто посылала им неверные сигналы?

В целом она была уверена в том, что прекрасно находит общий язык с окружающими – люди часто практически дословно понимали, что она думает и чувствует. Это было и даром и проклятьем – порой ей казалось, что она не столько обладает талантом общения, сколько представляет собой открытую книгу, которую только ленивый или совсем уж незаинтересованный не сумеет прочесть. Если контакт с человеком складывался, то они говорили в унисон, словно одним голосом, одними словами напополам, но в дискуссиях и спорах ее быстро оставляли на обочине – на каждый ее аргумент у оппонента словно заранее был заготовлен хлесткий ответ.

В конце концов, она как-то приноровилась, смирилась что ли, с тем, что не умеет скрывать свои мысли и не обладает врожденными, да и приобретенными – чего уж тут, хитростью и лукавством. Каждая ее попытка хоть в мелочи что-то скрыть или обмануть кого-нибудь оборачивалась стандартно провалом и обжигающим стыдом. Стоя порой перед зеркалом, она гадала, что именно выдает ее? Быстро розовеющие

от любого смущения щеки, большие наивные глаза, слишком активная мимика, выписывающая пируэты на удивлении, радости, досаде?

Все оказалось одновременно гораздо проще и значительно сложнее. Ее взгляд на нее саму, всю ее жизнь, окружение и вообще мир изменились после одной случайной беседы. А началось все с одного дня рождения и перепутанных адресов...

Она стояла перед невзрачного вида заведением, которое, может быть, когда-то и было популярным баром, но сейчас представляло собой скорее сочетание запыленности и уныния. Тем не менее, она решительно толкнула дверь и вошла в тускло освещенное помещение – возможно, ее коллега захотел устроить некую тематическую вечеринку из серии «прощай, молодость!», потому и выбрал это место. Она сверилась с адресом, потом с часами – очевидно, она просто оказалась тут первой, поэтому на нее и поглядывали со смесью удивления и недовольствия немногочисленные посетители, расплзшиеся по темным углам просторной комнаты с таким низким потолком, что было ощущение, будто ты попал в ловушку, у которой сдвигаются стены.

Она прошла к барной стойке, потопталась неловко в ожидании кого-нибудь за прилавком, разглядывая ряды захватанных бутылок у задней зеркальной стенки, пока случайно не уперлась глазами в нечеткое припыленное отражение старичка в поношенного вида плаще поверх чего-то, напомина-

ющего пижаму, и с выцветшими карими глазами, которые в желтом полумраке старых ламп будто приклеились к ней, одновременно буравя и пригвождая. Наконец, из подсобки вышел бармен и, получив заказ, выдал ей бокал белого вина и вновь исчез в сгустившейся унылой обстановке заведения.

Минуты тянулись бесконечно, и делать вид, что читаешь что-то исключительно важное и интересное в телефоне, становилось с каждой минутой все более нелепо. Она пролистала список контактов, выбрала один и нажала «вызов». Наступила пауза, в которой она слушала один длинный гудок за другим, вдруг раздался щелчок, и бодрый голос на фоне шума вечеринки нарочито ласково прощебетал: «Алло? Дорогая, это ты? Ну где же ты, у нас тут уже всю веселье!». Конечно, это именно ей случайно – «ох уж эти компьютеры, нет им веры!» - не дошла рассылка с точными данными праздника, именно она – «вечно ты витаешь в облаках» - перепутала адрес, именно... И дело было, естественно, совсем не в том, что из раза в раз эта, ЭТА (подходящее слово все не хотело становится нормативной лексикой) старалась оттеснить ее от того коллеги, который отмечал день рождения, не в том, что в его присутствии ЭТА (да, она никак не могла вырваться из мира ругательств) каждый раз нацеливала на нее свое жало и сыпала в ее адрес бесконечные нелепые шуточки, не в том...

Да какая разница в чем, собственно, было дело! Сейчас она оказалась в какой-то дыре, из которой ей по вечерним пробкам часа полтора добираться до коллег, которые к тому

моменту, наверняка уже разбредутся – кто за продолжением банкета, кто по домам. Она глубоко вздохнула, пытаясь решить, как ей быть дальше – то ли мчаться на другой конец города, то ли уже усесться поудобнее и заказать еще выпить... Еще этот дед продолжал изучать каждый сантиметр ее лица, особенно, лба – ну, отверниииись!

- Мдаааа... А лихо она тебя, верно? Вот так взять и прокатить мимо, да еще и обставить все таким образом, что неуклюжей дурочкой выглядишь именно ты. А вообще ловко придумано с этими барами, как думаешь? И неужели все из-за мужика? Хе-хе! – проскрипел неожиданно старичок.

Она даже не сразу поняла, что уже начала ему что-то отвечать:

- Что? А... да.. Подождите... А как Вы? – нет, она, конечно, знала, что все ее легко считывали, но чтобы до такой степени! И вообще, откуда он узнал такие подробности? Вопросы застряли на полпути к тому, чтобы быть заданными, и она просто уставилась на него в ответ.

- Мдааа... Давненько я такого не видел да еще в таком возрасте! – произнес он, внимательно ее рассматривая.

- Прошу прощения? – она почувствовала, как от неловкости лицо начинает покрываться красными пятнами, но еще старалась держаться сдержанно и уверенно.

- И каково тебе живется с этим вот? – спросил он, указывая куда-то в районе ее лба.

- С этим чем? – ее рука сама потянулась вверх, ощупала и

пригладила челку. Вроде все как обычно – лоб как лоб, челка как челка, хоть и лежит сегодня не так, как хотелось.

- Ну с этим! С суфлером! – собеседник явно терял терпение от ее непонятливости, вот только у нее было стойкое ощущение, что странная здесь не она.

Видимо, ее растерянный и недоумевающий вид заставил его смягчиться:

- Так ты не знаешь? Неужто никто из твоих родных или друзей тебе не рассказал? Хо! Вот это даааа! Может и мне тогда стоит промолчать? – он задумался лишь на мгновение, после чего хохотнул, явно довольный собой: Ну уж нет! Нельзя оставлять такую легкую мишень, честное слово!

- Знаете, я, наверное, лучше пойду... - она стала медленно сползать с высокого барного стула.

- Дорогуша, не хочу тебя пугать или расстраивать, но у тебя осталась бегущая строка над головой, - выдал, наконец, он и разразился полуминутным хриплым то ли кашлем, то ли смехом.

- Что-что у меня над головой? – она так и зависла на полпути со стула, цепляясь за краешек сидухи и разума. Быстрый взгляд в зеркало за баром – лицо как лицо, никаких строк, слов или даже букв на нем не было. Или все-таки было? На краткий миг ей показалось, что она видит, как прямо посередине лба ползет текст «что это вообще за бред? надо бы...», но дочитать она не успела, надпись исчезла, оставив лишь ее удивленное отражение с напряженным выраже-

нием глаз. Она встряхнула головой, полная решимости расплатиться за напиток, вежливо попрощаться с неожиданным собеседником и поскорее уйти. Но что-то держало ее припильенной к этому несчастному облезлому стулу. Еще один быстрый взгляд в зеркало. Да что это с ней? Неужели она снова увидела еле пропечатанный текст чуть повыше своих бровей? Она перевела испуганный взгляд на него.

- Что это такое? Что со мной? – она не помнила, какие там были стадии принятия, но сейчас она переходила в состояние ужаса.

- Ты что, действительно не знаешь? Даже чисто в теории? Боже, и чему только учат в школе?! – старичок явно наслаждался моментом, в котором у него появился, видимо, за долгое время не просто собеседник, а такой, чью жизнь он вот-вот мог перевернуть с ног на голову или обратно – зависело от точки зрения того самого собеседника. Однако она не оценила по достоинству его навык выдерживать драматическую паузу и нетерпеливо выгнула брови и выпучила глаза.

- Ох, ладно-ладно! Расскажу, а то тебя еще удар хватит, а мне потом отвечай! Так вот, почти все рождаются с ней, ну, с этой, с бегущей строкой – очень удобно для родителей, скажу я тебе. Хотя некоторые, я слышал, и пытаются еще на этапе зачатия и беременности ее убрать, но пока редко у кого получается – мне кажется, это скорее дело случая. Иногда рождаются уже без нее - таких деток сразу отбирают, потому как это, мол, означает наличие отличных задатков для профес-

сий, требующих, эээрмм, умения делать не то, что говоришь, и говорить не то, что думаешь, там для юристов всяких, публичных личностей короче, - он прервался, чтобы отхлебнуть из своего стакана, да так и застыл с ним руке, унесенный, видимо, потоком своих мыслей. Правила приличия требовали дать ему время самостоятельно вернуться в беседу, но она понимала, что здесь и сейчас происходит, возможно, один из самых странных и важных разговоров в ее жизни, и она не собиралась уступать свое время хитросплетениям его сознания, поэтому взяла и громко кхекнула. Пожалуй, вышло чуть резче, чем она хотела, потому как старичок аж вздрогнул от неожиданности и, еще не совсем вернувшись в реальность, весьма сердито на нее посмотрел, но все же продолжил:

- О чем это я? Ах, да... У большинства, значит, суфлер еще в детстве исчезает – сперва тускнеет с первыми попытками соврать, что почистил зубы или съел весь суп, а конфеты не трогал, а потом просто растворяется в воздухе. Потому-то все так подростков боятся – читали-читали их, а потом – бах – и надо понимать, разговаривать, узнавать, а детям, это самое, все бесконечно взрослым объяснять надо, вот. А у тебя, значитца, осталась. Неужели тебе никто не сказал? Ты прямо уникам – пронести, получается, такую честность и чистоту столько лет...

Наступила тишина. Старичок снова удалился в закоулки своего разума, а она сидела и медленно раскачивала в руке бокал вина – то ли в оцепенении, то в сосредоточенности.

Это было одно из тех состояний, когда ты вроде как думаешь обо всем и ни о чем одновременно – сознание выхватывало воспоминания о тех или иных событиях ее жизни, но читало их по-другому, расшифровывая заново те или иные линии поведения людей вокруг. Как она раньше этого не замечала? Как не видела, что ее попросту дословно считывали? Она вновь взглянула в зеркало – на сей раз она отчетливо видела надпись на лбу, и гласила она: «КАК?!». Вдруг старичок вновь заговорил – как-то отрешенно и глухо, будто мыслями он был где-то далеко:

- Есть легенда, что давным-давно все люди всю свою жизнь ходили с такой вот строкой, и был в мире порядок и понимание. Конечно, не обходилось и без ссор, конфликтов и войн, но решить их было гораздо проще, когда невозможно скрыть намерения и причины. Но затем что-то случилось – любовь ли жгучая или горе утопляющее, кто ж теперь знает, а кто знает, тот молчит... но полоски стали исчезать, причем все в более раннем возрасте. Уж больно велик был соблазн стать тем самым избранным, способным читать других, но оставаться для окружающих загадкой. И начался сперва полный хаос, потому что ну не могли люди понять, как это не только беседы вести друг с другом, но и распознавать, когда кто лжет, а когда правду говорит. Да и сейчас не многое изменилось, просто теперь никто никому не верит, даже иногда самим себе... Вооот... - старичок вновь замолчал и внимательно посмотрел ей в глаза: Но вопрос теперь таков: что

Ты будешь делать со своей строкой?

- Я? А разве с ней что-то можно делать? В смысле, я думала, что она просто есть сама по себе и от меня тут ничего не зависит...

- Еще как зависит! Чем ты слушаешь вообще?! Говорю же тебе: от лукавства и скрытности она в детстве пропадает, так что вполне в твоей власти... - он запнулся.

- Что?

- Пойми, дети еще не умеют толком вести одновременно в голове мысли, которые лучше бы скрыть и которые надо бы выставить напоказ, а вот взрослые – другое дело. Встречал я таких, которые не столько над смыслом того, что вылезало на суфлер работали, сколько над формой – ну там, могли попытаться как-то зашифровать слова, заменяя буквы или меняя их местами, а был один чудик, который переворачивал строку то вверх ногами, то задом наперед и считал, что так он выглядит загадочней и умнее – а сколько времени на тренировку этой белиберды потратил! Но ты... Боже! Я стану создателем шедевра и чудовища одновременно! – на краткий миг ей показалось, что тускло-карие глаза старичка окрасились огненно-рыжими всполохами. Она моргнула, прогнав видение – перед ней сидел все тот же дедушка, сутулый и хрупкий. И все же было в нем нечто, что заставляло быть настороже, как будто ты вышел на залитую солнцем поляну, но хребтом чувствуешь, что там за кругом света, в тени кустов притаился хищник, оценивающий свои и твои шансы.

- То есть Вы хотите сказать, что строкой можно управлять?

- Это требует работы ума, немалой причем, но думаю, да.

- А Вы когда-нибудь это пробовали?

- Увы, я лишился своей строки в слишком раннем возрасте, чтобы суметь как следует ею воспользоваться, а вернуть ее уже нельзя. Как и нельзя перестать ее редактировать – теперь ты знаешь, что она есть, что ее видят окружающие, и, скорее всего, будешь каждый раз задумываться, не вывела ли ты на сфлнер чего лишнего. А вот сможешь и захочешь ли ты полностью перекраивать текст для публики – зависит только от тебя.

Она вышла на улицу, и город на мгновение ослепил и оглушил ее сиянием и звуками своей вечерней жизни. Она должна была бы быть в смятении, в хаосе мыслей и рассуждений, но внутри у нее было на удивление тихо и спокойно. Кто она теперь? И изменилась ли она? Перед ней вставала дилемма: постараться отринуть эти новые знания, забыть весь разговор, да вообще весь этот вечер, остаться такой, как была... или же, наконец, получив уникальную возможность, начать обыгрывать всех тех, кто годами ею пользовался? Она остановилась у витрины магазина – в своем отражении она увидела принятое еще в баре решение и прочитала свою последнюю честную, чистую и неотшлифованную для других мысль.

Я тебя вижу

Он смотрел на ее застывшее заплаканное лицо на экране проектора. Только ее лицо на весь экран. Припухшие глаза, покрасневший от постоянных вытираний нос, мокрые от слез щеки... Подпись под застывшим кадром гласила «Худший момент за год». Он отмотал 15-минутное видео на начало и снова включил: вот она прошла в комнату, вот медленно села на диван, вот закрыла лицо ладонями, надавливая на глаза в отчаянной попытке не расплакаться, но вот рвущаяся наружу боль выплеснулась потоком слез и всхлипываний. Он вновь остановил видео и вгляделся в это лицо, когда-то такое родное и любимое... когда-то... Но ведь не когда-то! Он до сих пор любил и скучал, их разрыв теперь казался ему таким глупым, таким напрасным. Но что было, то было. Ее страдания одновременно заставляли его сердце сжиматься от сочувствия и - он не смел признаться в этом даже себе - подскакивать от удовлетворения. Если бы он был рядом... Но он не был!

Он вернулся в меню на экране и стал пролистывать категории – в разделе лучших и худших моментов: за день, за неделю, за месяц, за год. Ее моментов. И ведь все начиналось одинаково: он выбирал для просмотра сперва хорошие мгновения ее жизни, но постепенно жалость к самому себе и уязвленное самолюбие заставляли его перейти в негатив-

ный раздел – потому что ну как, как она может радоваться жизни без него? Как это ему грустно, а ей весело? Как это он тоскует, а она движется дальше? Ему хотелось видеть доказательство того, что и ей бывает плохо! Стыдился ли он этих порывов? Очень. Глядя на себя в зеркало после очередного видео-сеанса, ему хотелось плюнуть себе в лицо. А в те редкие дни, когда он усилием воли удерживал себя на просмотре ее добрых воспоминаний, он засыпал с легким сердцем, потому что где-то там есть она, и она счастлива. Сколько раз он набирал номер ее телефона, чтобы услышать, чтобы сказать, но в последний момент рука безвольно повисала, и он так и оставался сидеть, стоять, лежать, глядя в одну точку, так и не нажав кнопку вызова.

Воспоминания... Но это не были воспоминания в прямом смысле слова. Это была своего рода видеохроника ее реакций на какие-то события в жизни. Контекст в большинстве случаев отсутствовал, были лишь картинки ее - смеющейся, задумавшейся, плачущей, волнующейся, умиротворенной. Он до сих пор не совсем понимал, как это работает. Продавец вроде как объяснил ему основные принципы, мол, вокруг всегда найдется снимающая камера, но от этой мысли у него всегда возникала неприятная мысль, что и за ним вот так кто-то может подглядывать, и он гнал ее подальше. Была и другая мысль, сидевшая в мозгу занозой: вдруг, наоборот, никому совершенно не интересна его жизнь, его взлеты и падения? От этого становилось еще гаже и обидней на душе.

То был дождливый день, прямо как сегодня, когда он вошел в крохотный магазинчик на окраине города. По телефону ему сказали, что тут смогут подобрать необходимые запчасти и, собственно, починить его проектор и, что не менее важно, за умеренную плату, не требующую чудесных и маловероятных выигрышей в лотерею или внезапно почивших богатых родственников, о наличии которых он и не подозревал, но которые почему-то очень хотели его облагодетельствовать. Вышел он оттуда не только с квитанцией на ремонт, но и небольшой коробочкой, в которой лежало некое устройство. Его всего-то надо было подключить к проектору и к сети, загрузить программу и начать поиск тех, чьи светлые и темные стороны жизни ты хотел рассмотреть. Помнится, тогда в магазине, он спросил:

- А можно узнать, есть ли моменты, связанные со мной?

- В целом, да. Есть у меня человек, который может одну системку международную взломать, чтобы повнимательнее рассмотреть воспоминания, найти зацепки, совпадения, а потом написать для Вас специальный алгоритм поиска. Но это будет дороже, сами понимаете.

Он тогда отказался, а сейчас, сидя перед экраном, заполненным ее лицом, жалел об этом. Сейчас он отдал бы все на свете, чтобы узнать, чем были для нее их отношения, был ли шанс их сохранить... был... есть ли шанс?...

Он исправно ходил на работу, дисциплинированно посещал спортзал и вообще вел правильный образ жизни – та-

кой, чтобы окружающие считали его нормальным, чтобы не вызывать вопросов. Такой, чтобы против его присутствия не возражали, но и не особо расстраивались из-за его отсутствия. Это позволяло свободно и легко увильнуть от приглашений «посидеть где-нибудь вечером компанией». Вместо этого он все глубже погружался в калейдоскоп мгновенных чужих жизней. Собственно, именно так он и узнал, что пропущенная им вечеринка у друзей стала для многих лучшим событием за неделю, а у некоторых и за месяц. Сознание кольнуло зависть и угрызения совести, но нажатие кнопки пульта и кадры на экране быстро их заглушили.

Он понимал, что увяз. Это стало не развлечением, не способом удовлетворить свое любопытство, а удушливой привычкой, не дававшей ему ровным счетом ничего. Как-то раз он все-таки решился вбить в поиск свое имя. Система тут же предложила выбрать дату или обозначить период. Его охватила волна ужаса, когда он, открывая файл за файлом, увидел, что его лучшие и худшие моменты последнего времени сплошь состояли из просмотров чужих жизней. Больше ничего! Как будто его, как самостоятельной личности, не существовало. словно он был только наблюдателем в этом мире, чей-то неотступно следящей тенью. В этот вечер он выключил проектор раньше времени, убрал пульт подальше в ящик и лег спать, чувствуя себя полупрозрачным, истончившимся, хотя его отражение в зеркале и твердило ему, что все в порядке, только пора бы подстричься.

Но избавиться от привычки, тем более вредной, не так-то легко. Экран манил его, рука сама тянулась к пульту. Он буквально выгонял себя по вечерам на прогулку – лишь бы подальше от проектора, от чужой боли и радости. Ложась спать, изможденный от борьбы с самим собой, он хвалил себя за стойкость, но просыпался с чувством опустошенности, будто прошедший день был прожит им впустую. Он стал замкнутым, потому что как рассказать людям о сути его переживаний – его же сочтут в лучшем случае ненормальным! Поэтому он просто отмахивался и отшучивался от озабоченных вопросов знакомых и друзей о том, все ли у него в порядке – мол, работы много, стресс, устал... И тогда они сочувственно ему кивали и советовали почаще выбираться в люди, например, вот сегодня они куда-то там собираются... Ах, он занят? Какая жалость – он почти верил в тщательно изображаемое разочарование. Дни тянулись, и ему порой казалось, что они становятся гораздо длиннее того, на что хватит его жизненных сил.

Звонок. Он не ответил – лишь продолжил таращиться в выключенный экран проектора. Надо держаться, надо держаться! На этой неделе он уже дважды сорвался. Еще один звонок. А потом включился автоответчик: «Эээй, приятель ты там?». Школьный друг – когда они последний раз встречались? Мысль прервало неожиданное приглашение в гости по случаю его обручения и предстоящей свадьбы – «Отказ не принимается. Очень ждем тебя!». Пиипп, и на автоответчи-

ке замигал красный огонек, оповещающий о наличии сообщения. Позвоню накануне, прямо впритык, и скажу, что не смогу прийти – заболел, работа, срочные дела... Но он был здоров, в офисе он не задерживался, никаких дел, тем более срочных, у него не было... Совсем... Он схватил трубку, и, пока не успел передумать и остановить себя, быстро набрал номер товарища: «Алло. Да, привет. Да, получил твое сообщение. Дааа... я приду, очень постараюсь. Что? Ааа, как у меня дела? Да, действительно давненько мы не виделись...».

Через неделю он уже сидел в уютной гостиной напротив друга, разговор с которым тогда затянулся на несколько часов и будто вдохнул в него снова жизнь, нет, не только жизнь, желание жить. Это была та часть вечера, когда ужин уже съеден и все пересаживаются на более удобную и мягкую мебель с бокалом вина и ведут более откровенные беседы.

- Так, подожди: вы расстались, потом вновь встретились и теперь женитесь?

- Так точно! Оказалось, что мы оба жалели о произошедшем, но были слишком гордыми, чтобы первыми позвонить или написать. И тут вдруг случай, счастливый случай... (он почему-то лукаво подмигнул) А еще, думаю, определенную роль сыграло то, что...

На пороге комнаты возникла невеста и, шуточно закатив глаза, усмехнулась: «Оооо, неужели опять эта история ма-ньяка?».

- Ты говорила, что это произвело на тебя впечатление!

(неразборчивый ответ девушки, вновь ускользнувшей на кухню, и ее звонкий смех) Ну так-то, конечно, да, отдает слегка маньячиной. Но я просто очень по ней скучал. Короче, около года назад купил я одну штучку, ну, типа приставки что ли. Ее подключаешь к телевизору (или проектору, подумал он про себя, уже, понимая к чему ведет рассказ), и можно посмотреть, что у кого в жизни происходит. В общем, смотрел я на нее, смотрел, и понял, что с ума просто схожу, как будто ничего в жизни у меня нет, кроме этих кадров на экране. Ну и решил: пан или пропал. Что мне нужно ее найти. И стал вспоминать, куда она любила ходить, и стараться ходить ее маршрутами в надежде встретить, и таки встретил. И вот.

- Говорю же: маньяк! (она присела на подлокотник его кресла и приобняла за плечи) Но очаровательный!

Он смотрел на них, и в голове его роились мысли. А когда пришло время прощаться, в душе его созрела решимость. Придя домой, он отключил устройство от проектора, упаковал в коробку и вынес на помойку.

И вот он стоит на пороге ее дома. Месяцами он рассматривал ее лицо на экране. Месяцами довольствовался этой выстроенной в одностороннем порядке видимостью близости. А теперь ему нужно лишь протянуть руку и нажать на звонок. Все его существо разрывалось на две части: одна уговаривала развернуться, оставить все, как есть; другая убеждала рискнуть, узнать, наконец, есть ли шанс, и, если да, не

упустить его. Так он простоял уже десять минут. Нужно было на что-то решаться, пока соседи не вызвали полицию – ибо взрослый мужчина, неподвижно стоящий у дверей одной из квартир, вызывает вопросы и подозрения. А что, если она скажет, что слишком поздно, и громко хлопнет дверью прямо перед его носом, оставив его стоять в оглушительной тишине унижения? Но она же может и сказать, что рада его видеть – не сразу, конечно, сперва она наверняка удивится его визиту... Мысли путались, сердце стучало уже где-то в горле, от волнения дыхание стало рваным и сбивчивым...

Словно во сне он видел, как поднял руку и нажал на звонок. «Минутку!», шаги в коридоре, звук открываемой двери. «О, привет».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.